

А. П. Чехов

**Полное собрание сочинений и
писем**

Том 6

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ч-56

Чехов А.П.
Ч-56 Полное собрание сочинений и писем: Том 6 / А. П. Чехов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 322 с.

ISBN 978-5-458-04335-9

В шестой том Собрания сочинений А.П. Чехова вошли рассказы и повести 1895-1903 года а также произведения, не включенные А.П. Чеховым в выпущавшееся ранее собрание сочинений.

ISBN 978-5-458-04335-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А.П. Чехов, 2021

Антон Павлович Чехов
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В тридцати томах
СОЧИНЕНИЯ

В восемнадцати томах
ТОМ ШЕСТОЙ

1887

(Исключены разделы «Варианты» и «Примечания»)

СОДЕРЖАНИЕ:

РАССКАЗЫ

Новогодняя пытка. (Очерк новейшей инквизиции)

Шампанское. (Рассказ проходимца)

Мороз

Нищий

Враги

Добрый немец

Темнота

Полинька

Пьяные

Неосторожность

Верочка

Накануне поста

Беззащитное существо

Недоброе дело

Дома

Выигрышный билет

Рано!

Встреча

Тиф

Житейские невзгоды

На страстной неделе

Весной. (Сцена-монолог)

Тайна

Письмо

Казак

Удав и кролик

Критик

Происшествие. (Рассказ ямщика)

Следователь

Обыватели

Володя

Счастье

Ненастье

Драма

Один из многих

Скорая помощь

Неприятная история

Беззаконие

Перекаати-поле. (Путевой набросок)

Отец

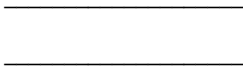
Хороший конец

В сарае

Злоумышленники. (Рассказ очевидцев)

Перед затмением. (Отрывок из феерии)

Из записок вспыльчивого человека
Зиночка
Доктор
Сирена
Свирель
Мститель
Почта
Свадьба
Беглец
Задача
Интриги
Старый дом. (Рассказ домовладельца)
Холодная кровь
Дорогие уроки
Лев и Солнце
Беда
Поцелуй
Мальчики
Каштанка. (Рассказ)
Рассказ госпожи NN
Без заглавия

РАССКАЗЫ

НОВОГОДНЯЯ ПЫТКА

(ОЧЕРК НОВЕЙШЕЙ ИНКВИЗИЦИИ)

Вы облачаетесь во фракную пару, нацепляете на шею Станислава, если таковой у вас имеется, прыскаете платок духами, закручиваете штопором усы - и все это с такими злобными, порывистыми движениями, как будто одеваете не себя самого, а своего злейшего врага.

- А, черррт подери! - бормочете вы сквозь зубы. - Нет покоя ни в будни, ни в праздники! На старости лет мычешься, как собака! Почтальоны живут покойнее!

Возле вас стоит ваша, с позволения сказать, подруга жизни, Верочка, и егозит:

- Ишь что выдумал: визитов не делать! Я согласна, визиты - глупость, пред-
рассудок, их не следует делать, но если ты осмелишься остаться дома, то, клянусь,
я уйду, уйду... навеки уйду! Я умру! Один у нас дядя, и ты... ты не можешь,
тебе лень поздравить его с Новым годом? Кузина Леночка так нас любит, и ты,
бесстыдник, не хочешь оказать ей честь? Федор Николаич дал тебе денег взаймы,
брат Петя так любит всю нашу семью, Иван Андреич нашел тебе место, а ты!..
ты не чувствуешь! Боже, какая я несчастная. Нет, нет, ты решительно глуп! Тебе
нужно жену не такую кроткую, как я, а ведьму, чтоб она тебя грызла каждую
минуту! Да-а! Бес-со-вест-ный человек! Ненавижу! Презираю! Сию же минуту
уезжай! Вот тебе список... У всех побывай, кто здесь записан! Если пропу-
стишь хоть одного, то не смей ворочаться домой!

Верочка не дерется и не выщарапывает глаз. Но вы не чувствуете такого великодушия и продолжаете ворчать... Когда туалет кончен и шуба уже надета, вас провожают до самого выхода и говорят вам вслед:

- Тирран! Мучитель! Изверг!

Вы выходите из своей квартиры (Зубовский бульвар, дом Фуфочкина), садитесь на извозчика и говорите голосом Солонина, умирающего в «Далиле»:

- В Лефортово, к Красным казармам!

У московских извозчиков есть теперь полости, но вы не цените такого великодушия и чувствуете, что вам холодно... Логика супруги, вчерашняя толчея в маскарде Большого театра, похмелье, страстное желание завалиться спать, полепраздничная изжога - все это мешает в сплошной сумбур и производит в вас муть... Мутит ужасно, а тут еще извозчик плетется еле-еле, точно помирать едет...

В Лефортово живет дядюшка вашей жены, Семен Степаныч. Это - прекраснейший человек. Он без памяти любит вас и вашу Верочку, после своей смерти оставит вам наследство, но... черт с ним, с его любовью и с наследством! На ваше несчастье, вы входите к нему в то самое время, когда он погружен в тайны политики.

- А слышал ты, душа моя, что Баттенберг задумал? - встречает он вас. - Каков мужчина, а? Но какова Германия!!

Семен Степаныч помешан на Баттенберге. Он, как и всякий российский обыватель, имеет свой собственный взгляд на болгарский вопрос, и если б в его власти, то он решил бы этот вопрос как нельзя лучше...

- Не-ет, брат, тут не Муткурка и не Стамбулка виноваты! - говорит он, лукаво подмигивая глазом. - Тут Англия, брат! Будь я, анафема, трижды проклят, если не Англия!

Вы послушали его четверть часа и хотите раскланяться, но он хватает вас за рукав и просит дослушать. Он кричит, горячится, брызжет вам в лицо, тычет пальцами в ваш нос, цитирует целиком газетные передовицы, вскакивает, садится... Вы слушаете, чувствуете, как тянутся длинные минуты, и, из боязни уснуть, тарашите глаза... От обалдения у вас начинают чесаться мозги... Баттенберг, Муткуров, Стамбулов, Англия, Египет мелкими чертиками прыгают у вас перед глазами...

Проходит полчаса... час... Уф!

- Наконец-то! - вздыхаете вы, садясь через полтора часа на извозчика. - Уходил, мерзавец! Извозчик, езжай в Хамовники! Ах, проклятый, душу вытянул политической!

В Хамовниках вас ожидает свидание с полковником Федором Николаичем, у которого в прошлом году вы взяли взаймы шестьсот рублей...

- Спасибо, спасибо, милый мой, - отвечает он на ваше поздравление, ласково заглядывая вам в глаза. - И вам того же желаю... Очень рад, очень рад... Давно ждал вас... Там ведь у нас, кажется, с прошлого года какие-то счета есть... Не помню, сколько там... Впрочем, это пустяки, я ведь это только так... между прочим... Не желаете ли с дорожки?

Когда вы, заикаясь и потупив взоры, заявляете, что у вас, ей-богу, нет теперь свободных денег, и слезно просите обождать еще месяц, полковник всплескивает руками и делает плачущее лицо.

- Голубчик, ведь вы на полгода брали! - шепчет он. - И разве я стал бы вас беспокоить, если бы не крайняя нужда? Ах, милый, вы просто топите меня, честное слово... После Крещенья мне по векселю платить, а вы... ах, боже мой милостивый! Извините, но даже бессовестно...

Долго полковник читает вам нотацию. Красный, вспотевший, вы выходите от него, садитесь в сани и говорите извозчику:

- К Нижегородскому вокзалу, сскотина!

Кузину Леночку вы застаете в самых растрепанных чувствах. Она лежит у себя в голубой гостиной на кушетке, нюхает какую-то дрянь и жалуется на мигрень.

- Ах, это вы, Мишель? - стонет она, наполовину открывая глаза и протягивая вам руку. - Это вы? Сядьте возле меня...

Минут пять лежит она с закрытыми глазами, потом поднимает веки, долго глядит вам в лицо и спрашивает тоном умирающей:

- Мишель, вы... счастливы?

Засим мешочки под ее глазами напухают, на ресницах показываются слезы... Она поднимается, прикладывает руку к волнующейся груди и говорит:

- Мишель, неужели... неужели все уже кончено? Неужели прошлое погибло безвозвратно! О нет!

Вы что-то бормочете, беспомощно поглядываете по сторонам, как бы ища спасения, но пухлые женские руки, как две змеи, обволакивают уже вашу шею, лацкан вашего фрака уже покрыт слоем пудры. Бедная, все прощающая, все выносящая фрачная пара!

- Мишель, неужели тот сладкий миг уж не повторится более? - стонет кузина, орошая вашу грудь слезами. - Кузен, где же ваши клятвы, где обет в вечной любви?

Бррр!.. Еще минута, и вы с отчаяния броситесь в горящий камин, головой прямо в уголья, но вот на ваше счастье слышатся шаги и в гостиную входит визитер с шапоκляком* и остроносыми сапогами... Как сумасшедший срывается вы с места, целуете кузине руку и, благословляя избавителя, мчитесь на улицу.

* складная шляпа (франц. chapeau-claque).

- Извозчик, к Крестовской заставе!

Брат вашей жены, Петя, отрицает визиты, а потому в праздники его можно застать дома.

- Ура-а! - кричит он, увидев вас. - Кого ви-ижу! Как кстати ты пришел!

Он трижды целует вас, угощает коньяком, знакомит с двумя какими-то девицами, которые сидят у него за перегородкой и хихикают, скачет, прыгает, потом, сделав серьезное лицо, отводит вас в угол и шепчет:

- Скверная штука, братец ты мой... Перед праздниками, понимаешь ты, издержался и теперь сижу без копейки... Положение отвратительное... Только на тебя и надежда... Если не дашь до пятницы 25 рублей, то без ножа зарежешь...

- Ей-богу, Петя, у меня у самого карманы пусты! - божитесь вы...

- Оставь, пожалуйста! Это уж свинство!

- Но уверяю тебя...

- Оставь, оставь... Я отлично тебя понимаю! Скажи, что не хочешь дать, вот и все...

Петя обижается, начинает упрекать вас в неблагодарности, грозит донести о чем-то Верочке... Вы даете пять целковых, но этого мало... Даете еще пять, и вас отпускают с условием, что завтра вы пришлете еще 15.

- Извозчик, к Калужским воротам!

У Калужских живет ваш кум, мануфактур-советник Дятлов. Этот хватает вас в объятия и тащит вас прямо к закусочному столу.

- Ни-ни-ни! - орет он, наливая вам большую рюмку рябиновой. - Не смей отказаться! По гроб жизни обидишь! Не выпьешь - не выпущу! Сережка, запирика на ключ дверь!

Делать нечего, вы скрепя сердце выпиваете. Кум приходит в восторг.

- Ну, спасибо! - говорит он. - За то, что ты такой хороший человек, давай еще выпьем... Ни-ни-ни... ни! Обидишь! И не выпущу!

Надо пить и вторую.

- Спасибо другу! - восхищается кум. - За это самое, что ты меня не забыл, еще надо выпить!

И так далее... Выпитое у кума действует на вас так живительно, что на следующем визите (Сокольницкая роща, дом Курдюковой) вы хозяйку принимаете за горничную, а горничной долго и горячо пожимаете руку...

Разбитый, помятый, без задних ног возвращаетесь вы к вечеру домой. Вас встречает ваша, извините за выражение, подруга жизни...

- Ну, у всех были? - спрашивает она. - Что же ты не отвечаешь? А? Как? Что-о-о? Молчать! Сколько потратил на извозчика?

- Пя... пять рублей восемь гривен...

- Что-о-о? Да ты с ума сошел! Миллионер ты, что ли, что тратишь столько на извозчика? Боже, он сделает нас нищими!

Засим следует нотация за то, что от вас вином пахнет, что вы не умеете толком рассказать, какое на Леночке платье, что вы - мучитель, изверг и убийца... Под конец, когда вы думаете, что вам можно уже завалиться и отдохнуть, ваша супруга вдруг начинает обнюхивать вас, делает испуганные глаза и вскрикивает.

- Послушайте, - говорит она, - вы меня не обманете! Куда вы заезжали, кроме визитов?

- Ни... никуда...

- Лжете, лжете! Когда вы уезжали, от вас пахло фиолет-де-пармом, теперь же от вас разит опопанаксом! Несчастный, я все понимаю! Извольте мне говорить! Встаньте! Не смейте спать, когда с вами говорят! Кто она? У кого вы были?

Вы тарашите глаза, крякаете и в обалдении встряхиваете головой...

- Вы молчите?! Не отвечаете? - продолжает супруга. - Нет? Уми... умираю! До... доктора! За-му-учил! Уми-ра-аю!

Теперь, милый мужчина, одевайтесь и скачите за доктором. С Новым годом!

ШАМПАНСКОЕ

(РАССКАЗ ПРОХОДИМЦА)

В тот год, с которого начинается мой рассказ, я служил начальником полустанка на одной из наших юго-западных железных дорог. Весело мне жилось на полустанке или скучно, вы можете видеть из того, что на 20 верст вокруг не было ни одного человеческого жилья, ни одной женщины, ни одного порядочного кабака, а я в те поры был молод, крепок, горяч, взбалмошен и глуп. Единственным развлечением могли быть только окна пассажирских поездов да поганая водка, в которую жида подмешивали дурман. Бывало, мелькнет в окне вагона женская головка, а ты стоишь, как статуя, не дышишь и глядишь до тех пор, пока поезд не обратится в едва видимую точку; или же выпьешь, сколько влезет, противной водки, очертенеешь и не чувствуешь, как бегут длинные часы и дни. На меня, уроженца севера, степь действовала, как вид заброшенного татарского кладбища. Летом она со своим торжественным покоем - этот монотонный треск кузнечиков, прозрачный лунный свет, от которого никуда не спрячешься, - наводила на меня унылую грусть, а зимою безукоризненная белизна степи, ее холодная даль, длинные ночи и волчий вой давили меня тяжелым кошмаром.

На полустанке жило несколько человек: я с женой, глухой и золотушный телеграфист да три сторожа. Мой помощник, молодой чахоточный человек, ездил лечиться в город, где жил по целым месяцам, предоставляя мне свои обязанности вместе с правом пользоваться его жалованьем. Детей у меня не было, гостей, бывало, ко мне никаким калачом не заманишь, а сам я мог ездить в гости только к сослуживцам по линии, да и то не чаще одного раза в месяц. Вообще, прескучнейшая жизнь.

Помню, встречал я с женою Новый год. Мы сидели за столом, лениво жевали и слушали, как в соседней комнате монотонно постукивал на своем аппарате глухой телеграфист. Я уже выпил рюмок пять водки с дурманом и, подперев свою тяжелую голову кулаком, думал о своей непобедимой, невылазной скуке, а жена сидела рядом и не отрывала от моего лица глаз. Глядела она на меня так, как может глядеть только женщина, у которой на этом свете нет ничего, кроме красивого мужа. Любила она меня безумно, рабски и не только мою красоту или душу, но мои грехи, мою злобу и скуку и даже мою жестокость, когда я в пьяном иступлении, не зная, на ком излить свою злобу, терзал ее попреками.

Несмотря на скуку, которая ела меня, мы готовились встретить Новый год с необычайной торжественностью и ждали полночи с некоторым нетерпением. Дело в том, что у нас были припасены две бутылки шампанского, самого настоящего, с ярлыком вдовы Клико; это сокровище я выиграл на пари еще осенью у начальника дистанции, гуляя у него на крестинах. Бывает, что во время урока математики, когда даже воздух стынет от скуки, в класс со двора влетает бабочка; мальчуганы встряхивают головами и начинают с любопытством следить за полетом, точно видят перед собой не бабочку, а что-то новое, странное; так точно и обыкновенное шампанское, попав случайно в наш скучный полустанок, забавляло нас. Мы молчали и поглядывали то на часы, то на бутылки.

Когда стрелка показывала без пяти двенадцать, я стал медленно раскупоривать